

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.2>

УДК 330.88

JELB24, B29, B49

Схоластика в экономической науке как симптом неизбежного кризиса¹

Петр А. ОРЕХОВСКИЙ¹⁾ ✉, Рустем М. НУРЕЕВ^{1), 2)}

¹⁾ Институт экономики РАН, г. Москва, Российская Федерация

²⁾ Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Российская Федерация

¹⁾ <https://orcid.org/0000-0003-2816-1298>

✉ orekhovskypa@mail.ru

²⁾ <https://orcid.org/0000-0003-1407-2657>

Для цитирования: Ореховский, П. А., Нуреев, Р. М. (2023). Схоластика в экономической науке как симптом неизбежного кризиса. *AlterEconomics*, 20(1), 9–28.

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.2>

Аннотация. Характеристика «схоластический», применяемая к научному тексту, которая служила негативным синонимом начетничества, буквоедства и оторванности от жизни, время от времени использовалась по отношению к трудам обществоведов в СССР. В настоящее время определение «схоластический» применительно к работам экономистам встречается все реже. Тем не менее, учитывая постоянно растущее количество научных публикаций, многие из них вполне заслуживают такой характеристики. В статье выдвигается гипотеза о связи схоластического стиля рассуждений и построения экономических текстов с наступлением кризиса в научных исследованиях, который сопровождается переходом к полномасштабному социально-экономическому кризису. Данная гипотеза проверяется на основе двух исторических прецедентов — собственно средневековой схоластики и политэкономии социализма. В обоих случаях определение «схоластический» применялось к текстам сравнительно часто. Кроме того, во время периодов феодальной и / или советской схоластики соответствующая «гражданская религия» занимала полностью доминирующее положение, которое подкреплялось и властными иерархиями. В случае феодализма такой «монополией на истину» располагала католическая церковь во главе с Ватиканом, в СССР соответствующую роль выполнял марксизм-ленинизм и Политбюро ЦК КПСС. В случае Средневековья авторы используют в качестве основного объекта дискурсивного анализа «Сумму теологии» Фомы Аквинского как общепринятый образец экономической схоластики. Применительно к советской политэкономии социализма используется полузабытая коллективная монография 1989 г. «Политическая экономия — теоретическая основа политики КПСС», написанная общепризнанными (на тот момент) авторитетными экономистами-теоретиками. Наряду с этими источниками приводится описание реальности в исторических ретроспективах А. Грейфа и Е. Гайдара, констатируется критическое расхождение схоластического дискурса и экономической реальности. Таким образом, в обоих случаях выдвинутая гипотеза подтверждается.

Ключевые слова: схоластика, справедливая цена, процент, система, хозяйственный механизм, социально-экономический кризис

¹ © Ореховский П. А., Нуреев Р. М. Текст. 2023.

RESEARCH ARTICLE

Scholasticism in Economics as a Symptom of an Unavoidable Crisis

Petr A. OREKHOVSKY¹⁾✉, Rustem M. NUREEV^{1), 2)}

¹⁾ Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

²⁾ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

¹⁾ <https://orcid.org/0000-0003-2816-1298>

✉ orekhovskypa@mail.ru

²⁾ <https://orcid.org/0000-0003-1407-2657>

For citation: Orekhovsky, P. A. & Nureev, R. M. (2023). Scholasticism in Economics as a Symptom of an Unavoidable Crisis. *AlterEconomics*, 20(1), 9–28. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.2>

Abstract. An academic text being described as ‘scholastic’ is usually perceived as a criticism, pointing to the text’s formal, dogmatic character. This characteristic was used from time to time in relation to the works of social scientists in the USSR. This term is much less common in modern academia, including the discussion of modern economic writings. This does not mean, however, that many of these papers do not deserve to be described as such, given the ever-increasing number of publications. The article puts forward a hypothesis that there is a connection between the scholastic style of reasoning and the construction of economic texts, signifying the onset of a crisis in economic research, accompanied by a transition to a full-scale socio-economic crisis. This hypothesis is being tested on the basis of two historical precedents — medieval scholasticism proper and the political economy of socialism. In both cases, the term ‘scholastic’ was applied relatively frequently to published texts. In addition, during the periods of feudal or Soviet scholasticism, the dominant role was played by religion or, in the case of the Soviet Union, ideology and its dominance was also reinforced by power hierarchies. While in the case of feudalism it was the Vatican that held the ‘monopoly on truth’, in the USSR this role was played by Marxism-Leninism and the Politburo of the CPSU. In the case of the Middle Ages, the authors use Thomas Aquinas’ *Summa Theologia* as the main object of discursive analysis and as for the Soviet period, the analysis focuses on the monograph *Political Economy — Theoretical Foundation of the CPSU’s Policy* published in 1989 by Soviet theoretical economists. Along with these sources, we also look at the works of A. Greif and E. Gaidar, showing a critical discrepancy between the scholastic discourse and economic reality.

Keywords: scholasticism, fair price, percentage, system, economic mechanism, social and economic crisis

1. Историко-культурный контекст и постановка проблемы

Сегодня определение «схоластический» применительно к трудам обществоведов встречается сравнительно редко, в отличие от позднего СССР. Тогда схоластика оказывалась рядом с демагогией и применялась к спорам ученых как эвфемизм, заменяющий более оскорбительный термин «пустословие». Дискутант, применявший такие определения к оппонентам, в сущности, предполагал, что его позиция обеспечивает реальный научный прогресс, в то время как его противники «прячутся» за цитатами из классиков и используют нечестные риторические приемы, обращаясь к моральным или властным аргументам.

Среди социальных дисциплин экономическая теория, казалось бы, является наиболее далекой от схоластики. Однако именно среди теоретиков, которых тогда представляли советские политико-экономы, упреки в схоластике были достаточно распространены. Учитывая последующий и непредвиденный большинством советских экономистов крах и распад СССР, эти упреки, по-видимому, имели под собой веские основания. Реальная советская экономика оказалась очень далекой от тех представлений, которых придерживались политико-экономы социализма.

В свою очередь, настоящие схоласты жили и творили в условиях феодального общества. Сегодняшнее понимание феодализма ушло далеко от простого марксова представления этого устройства как взаимодействия двух антагонистических классов — дворянства и крестьян в условиях специфической формы собственности, «прикрепляющей» крестьян к земле. Как пишет Й. Шумпетер: «Феодальное общество не может быть описано в терминах рыцарей и крестьян, равно как капиталистическое общество не может быть описано в терминах капиталистов и пролетариев» (Шумпетер, 2001). Отношения внутри дворянского манора были достаточно сложными, характеризующимися взаимными обязательствами крестьян и лорда. Не менее сложными были отношения различных социальных групп и в средневековых городах с их гильдиями и магистратами, поэтому определение манора как «натурального», а городского как «товарного» хозяйств выглядит большим и, как показывает Ф. Бродель в своих «Играх обмена», некорректным упрощением (Бродель, 2006). Феодализм — это своеобразная смешанная экономика. Но ее нельзя описывать (и моделировать) как секторальную: так, как это делается сегодня применительно к экономикам африканских или латиноамериканских стран (аграрный, промышленный, внезаконный, финансовый сектора и т. д.). В современных национальных экономиках с низкими уровнями дохода акторы формально имеют, как правило, равные права, пусть даже так, как это показал в своем знаменитом труде Э. де Сото (де Сото, 2008), с дифференцированным доступом к судебной системе. Феодализм предполагает изначально разные, неравные права для разных сословий. Это принципиально другие институциональные рамки ведения экономической деятельности, поэтому видение схоластов радикально отличается от представлений современных экономистов.

Но этого мало. Опять обратимся к Й. Шумпетеру: «...Существовал еще один фактор, нефеодальный по своему происхождению и природе, который военному классу не удалось ни растворить в себе, ни покорить... — Римская католическая церковь...

Так как церкви удавалось не только самоутвердиться, но и вести успешную войну против феодальных властей, то этот факт должен быть слишком очевидным..., если бы историография, вдохновляемая популярным вариантом марксистского обществоведения, не создавала представления, что, грубо говоря, средневековая мысль являлась идеологией военного класса землевладельцев... Это представление было неправильным не только с точки зрения тех, кто не принимает марксистскую социологию общественной мысли, но также и с точки зрения самого К. Маркса. Даже если мы решим интерпретировать католическую систему мысли как идеологию, она останется идеологией духовенства и никогда не сольется с идеологией военного класса» (Шумпетер, 2001).

Таким образом, схоласты, которые в своем подавляющем большинстве принадлежали к католической церкви, изначально находились в социальной позиции «нефеодальной по своему происхождению и природе». Часть из них работала в монастырях, часть — в университетах Европы. В пространственном отношении схоласты, обсуждавшие мораль, право и хозяйство феодального общества, были более (монастыри) или менее (университеты, имевшие право самоуправления) изолированы от повседневной общественной жизни. По нашему мнению, это первое и весьма важное условие, которое объединяет схоластов с современными учеными. Положение экономиста в академическом НИИ или университете

способствует абстрагированию от острых текущих политических и экономических проблем, возможности своеобразного «взгляда извне», причем современные ученые, как правило, находятся в социальной позиции, «некапиталистической (несоциалистической) по своему происхождению и природе».

При этом в X–XII вв. заметно оживляется хозяйственная жизнь многих старых городов, возникших еще в античную эпоху (Рим, Милан, Флоренция, Париж, Лион, Лондон, Йорк, Кельн, Майнц, Страсбург, Вена и др.). Появляются новые города-центры ремесла и торговли (рис. 1). В XIII–XV вв. возникают и новые университеты. Это резко усложняет картину экономической жизни Средневековья.

Второй важнейшей чертой схоластов было наличие общего космополитического языка — латыни. Крестьяне, ремесленники, купцы, большая часть дворян разговаривали, читали и писали только на национальных языках. Это опять-таки очень напоминает нынешнее положение: для того, чтобы работа экономиста была замечена, она должна быть опубликована на английском языке, современном *lingua franca*. Статьи и книги на национальных языках гораздо чаще учитывают местный контекст, но крайне редко переводятся и попадают в фонд мировой науки. Стоит оговориться, что во времена сосуществования двух мировых систем — капиталистической и социалистической — английский язык уже начал выполнять международную роль, но русский язык еще был достаточно важен, что подтверждалось существованием западной советологии. Однако в XXI в. владение английским языком становится принципиальным для публикаций и академической мобильности, что полностью совпадает с положением латыни во времена схоластов.

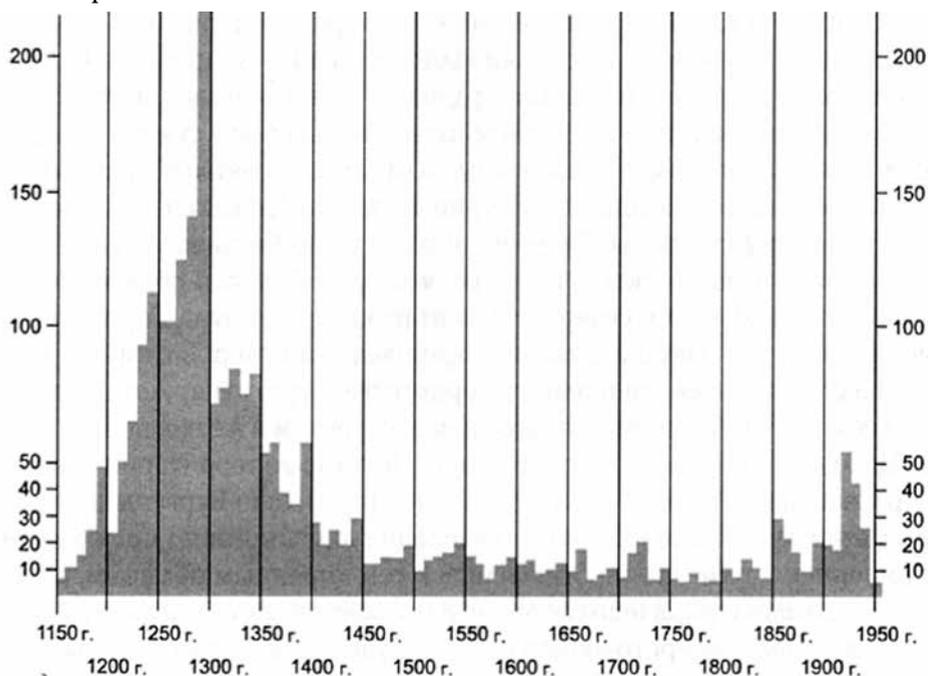

Рис. 1. Возникновение городов в границах Священной Римской империи

Fig. 1. Emergence of Cities on the Territory of the Holy Roman Empire

Источник: Abel W. *Geschichte der deutschen Landwirtschaft von fruhen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert* Stuttgart, 1962. S. 46.

Наконец, третьей важнейшей чертой схоластики является преобладание заимствования, подчинение авторитету¹. «Подчинение мысли авторитету догмата, — справедливо отмечает С.С. Аверинцев, — по известной формуле, восходящей к Петру Доминиани, *philosophia ancilla theologiae*, «философия — служанка богословия», присуще ортодоксальной схоластике наряду со всеми другими типами правоверно-церковной религиозной мысли; специфично для схоластики и то, что сам характер отношения между догматом и рассудком мыслится, при несомненной авторитарности, необычно рассудочным и ориентированным на императив внутренней и внешней системности» (Аверинцев, 2003). В роли авторитета оказалось не только Священное писание, но и творения отцов церкви, труды Платона и Аристотеля. Преданность великим учителям, сочинения которых считались подлинными, проявлялась прежде всего в том, что ссылки на них (цитаты) являлись главным аргументом в споре. То же самое происходит как с вариантами марксизма (будь то советского, будь то европейского), так и с вариантами мейнстрима (будь то в кейнсианской, будь то в неolibе-ральной версиях). Сама практика подготовки научных статей к публикации сегодня предполагает как минимум обзор литературы и позиционирование автора по отношению к тем или иным авторитетным концепциям экономической теории.

Схоластическому мировоззрению чуждо историческое, как оно представляется ныне, понимание фактов. Оно не критично, оно любит мерить все понятия абсолютными мерками, не замечая, что на них лежит отпечаток современной эпохи. «Это беспокойное желание найти в глубине веков новый мир, — писал Ж.Ле Гофф, — не допускало поиска действительного обновления. Золотой век у средневековых людей лежал у истоков прошлого. Их будущее было давно прошедшим. И они продвигались вперед с обращенным назад взором» (Ле Гофф, 1992).

В этой связи большое значение приобретает дедуктивный метод. Он позволяет создавать все новые и новые понятия, с помощью которых создаются хитроумные логические системы, напоминающие готические храмы. Безудержный рост понятий, конечно, способствует накоплению книжной премудрости, усложнению школьных программ. Однако игра в понятия все более и более входила в противоречие с потребностями реальной жизни. Стоит отметить, что современная схоластика XX-XXI вв., несмотря на постоянную апелляцию к историческому, также опирается в основном на дедукцию. Хрестоматийными примерами в этом плане являются отсылки западных либералов к английской Хартии вольностей и поиск истоков российского авторитаризма в периоде татаро-монгольского ига. Фактически события, имевшие много веков назад, используются как вневременные, логические артефакты для создания вариантов позитивного или негативного сегодняшнего институционального дизайна.

¹ Следует специально оговориться, что указанных трех условий не наблюдалось в других мировых религиях. Так, ислам представляет собой децентрализованную религию, там не было никого, сравнимого с римским папой или даже константинопольским патриархом (ортодоксия, включая православие, была также намного более децентрализована и говорила на национальных языках). Кроме арабского, среди исламских ученых сразу использовался фарси и древнеперсидский, а уже в позднем Средневековье — турецкий (тюркский). Становление «научной религии» — сциентизма — в XVIII–XIX вв. также сопровождалось написанием работ на ряде национальных языков, в первую очередь — английском, французском, немецком; а институты науки были не менее децентрализованы, чем институты ислама. Усиление схоластики применительно к экономической науке стало наблюдаться только в конце XX — нач. XXI вв. Описание этого процесса требует отдельной статьи, которую мы вскоре наедемся предложить читателю.

Следует оговориться, что применяемый школой «Анналов» и ее последователями исторический подход основан на герменевтике, представлении, что каждой исторической эпохе была присуща своя внутренняя логика слов и поступков. Естественно, что интерпретация христианских догматов в XX в. (не говоря уже о XXI в.) сильно отличается от представлений Средневековья. Аналогично и представление о факте как о феномене, который возникает как следствие условий и обстоятельств, конструируется, полностью расходится с пониманием схоластов фактов как свидетельств очевидцев (предпочтительно зафиксированных письменно). Более всего это различие проявляется в отношении средневековых и сегодняшних ученых к чуду — феномену, которое либо совсем исключается современной наукой, либо относится к области субъективных, личных переживаний.

Дедуктивный метод наряду с обсуждением чудес постепенно приводил к тому, что работы схоластов делались все более эзотерическими, непонятными не только «чистой публике» (дворянам и коронованным особам), но и части коллег, которые специализировались на тех или иных направлениях католической доктрины. Такая особенность привела к появлению сегодняшней распространенной интерпретации схоластики как неких знаний, «оторванных от жизни», основанных на цитатах из чужих сочинений, непосредственно не связанных с наблюдаемыми эмпирическими феноменами.

Увеличение удельного веса научных работ, выполненных в своеобразном «схоластическом стиле», использующих один и тот же набор исследовательских гипотез и ссылающихся друг на друга, на наш взгляд, может свидетельствовать о нарастании кризиса в какой-либо предметной области. Впоследствии этот кризис разрешается практически полным забвением работ как средневековых, так и современных схоластов. При этом стоит оговориться, что зачастую вместе со схоластами забывают и про еретиков, которые им противостояли: теряется сам смысл прошедших дискуссий. Причем происходит это в силу внешних причин: как красочно выразился Й. Шумпетер: «Те процессы, которые в конечном счете разбили вдребезги социальный мир св. Фомы, как правило, называют зарождением капитализма» (Шумпетер, 2001). Характерно, что тот же Й. Шумпетер далее демонстрирует, что между Реформацией и переходом от схоластов к светским ученым не было качественного разрыва. Однако сами схоласты, обсуждая волнующие их проблемы, не замечали никакого зарождения капитализма.

То же самое можно сказать в отношении недавних исторических событий. Советские политэкономы социализма, как и многие их западные коллеги, не предвидели распада СССР, который теперь, с позиций ретроспективного анализа XXI в. представляется вполне закономерным; более того, часть экономистов обнаруживают симптомы глубокого социально-экономического кризиса в СССР уже в 1970-е гг. (Гайдар, 2012). Тем не менее одна из крупнейших геополитических катастроф XX в. разразилась для большинства советских экономистов совершенно неожиданно, многие из них в 1980–1990-е гг. все еще продолжали заниматься совершенствованием хозяйственного механизма.

Другими словами, расцвет схоластики и соответствующего ей стиля ссылок на авторитеты, подтверждения любых нюансов с помощью изолированного аппарата свидетельств (в Средневековье эта роль выполнялась свидетелями чуда,

в наше время подобную роль играет эконометрика¹), отрыва научных речевых практик от языка широкой публики — все это, с одной стороны, является симптомом кризисного положения в экономической науке, а с другой — это одна из важных причин общего социально-экономического кризиса. Попросту сказать, отрыв экономистов, социологов, политологов, философов от социальной реальности формирует альтернативную реальность, что и является одной из важнейших причин появления многочисленных шоков. В случае схоластов и католической церкви этот кризис хорошо иллюстрируется появлением М. Лютера и дальнейшей историей Реформации.

Далее мы остановимся только на двух вариантах экономической схоластики — на классическом, средневековом и советском, социалистическом. Как нам представляется, эти варианты объединяет еще и наличие явной, официально заявленной «гражданской религии». Анализ эволюции схоластики в рамках современного экономического мейнстрима и ее роль в мировой кризисе 2008–2009 гг. и последующих событиях намного более сложен и требует отдельной работы.

2. Средневековые схоласты. Справедливая цена и процент

Говоря о схоластах, необходимо подчеркнуть, что в первую очередь это были не экономисты, а моральные философы, поэтому любой поступок, любой выбор человека оценивался ими, исходя из их представлений о христианском идеале. Приведем в качестве образца рассуждения Фомы Аквинского о том, «законно ли продавать вещь дороже ее стоимости» и о том, «законно ли при заключении сделок продавать вещь дороже, чем за нее было уплачено»:

«Возражение 1. Кажется, что продавать вещь дороже ее стоимости законно. В самом деле, правосудность осуществляемых в процессе человеческой жизни обменов определяется гражданским правом. Но согласно этому законодательству покупатель и продавец вправе вводить друг друга в заблуждение, что имеет место в тех случаях, когда или продавец продает вещь дороже ее стоимости, или покупатель покупает вещь дешевле ее стоимости. Следовательно, продавать вещь дороже ее стоимости законно.

Возражение 2. Далее, то, что общепринято, представляется естественным, а не греховным...

Возражение 3. Далее, то, что должно быть честно исполнено в соответствии с действующим взаимным соглашением, не представляется незаконным. Но, как говорит Философ², в дружбе из соображений пользы количество отплаты за полученное благодеяние должно зависеть от той выгоды, которую оно принесло благодетельствованному, а эта выгода подчас стоит больше, чем стоит предоставленная вещь, например, если получатель испытывал нужду именно в этой вещи либо ради избежания опасности, либо для получения некоторой особой прибыли.

¹ «Особенно отличилась невниманием к важности собственной риторики эконометрика, допустив тем самым трагическую ошибку... Иными словами, в какой-то момент приходится отойти от всей этой статистической машинерии и задать вопрос: «Хорошо, ребята, а разница-то какая?» Учтено ли гравитационное воздействие одной галактики на другую?... Важна ли связь цен в США с ценами в остальном мире? Числа неизбежно материальны, но их недостаточно для того, чтобы привести обсуждаемый вопрос к научному выводу. Сделать это могут только ученые, ведь «вывод» — идея человеческая, а не природная. Это свойство человеческого разума, а не статистики» (Макклоски, 2015).

² Псевдонимом «Философ» схоласты обозначали Аристотеля.

Следовательно, в договорах купли-продажи законно отдавать взамен вещь, которая стоит дороже полученной.

Этому противоречат следующие слова [Писания] «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, — так поступайте и вы с ними» (Мф. 7, 12). Но никто не хочет покупать вещь дороже ее стоимости. Следовательно, никто не должен продавать вещь другому дороже, чем она стоит.

Отвечаю: прибегать к уловкам ради продажи вещи дороже ее стоимости в целом является греховным, поскольку обман ближнего означает причинение ему ущерба. Поэтому Туллий говорит: «В договорах не должно быть никакого обмана: ни продавец не должен навязывать свою цену покупщику, ни покупатель — торгующемуся с ним»...

Однако если оставить в стороне обман, то о купле-продаже можно говорить двояко. Во-первых, о как таковой, и с этой точки зрения купля-продажа, похоже, существует ради выгоды обеих сторон, одна из которых, как говорит Философ, нуждается в том, чем обладает другая, и наоборот. Но то, что существует ради общей выгоды, не должно быть для одной стороны более обременительным, чем для другой, и потому все заключенные между ними договора должны соблюдать равенство между [обмениваемыми] вещами. Кроме того, мерой ценности используемой людьми вещи является ее стоимость, ради чего, как сказано в пятой книге «Этики», и были придуманы деньги. Поэтому если стоимость превышает ценность вещи или, напротив, [ценность] вещи превышает стоимость, то налицо нарушение равенства правосудности и, следовательно, продавать вещь дороже ее стоимости или покупать ее дешевле ее стоимости само по себе является неправосудным и незаконным.

Во-вторых, о купле-продаже можно говорить как об акцидентно выгодной для одной стороны и невыгодной для другой, как, например, когда один человек испытывает большую нужду в некоторой вещи, в то время как другой человек страдает, если ее лишится. В указанном случае справедливая цена будет зависеть не только от самой вещи, но и от того ущерба, который претерпит продавший ее продавец. Поэтому при таких обстоятельствах продажа вещи дороже, чем она стоит сама по себе, законна... Однако если один человек получает большую выгоду от того, что становится обладателем собственности другого, а продавец, лишаясь ее, ничего не теряет, то последний не должен завышать цену, поскольку в этом случае выгода покупателя связана не с продавцом, а с обстоятельствами самого покупателя...

С другой стороны, если человек видит, что покупка принесет ему большую выгоду, он может по собственной воле доплатить продавцу сверх цены и тем самым продемонстрировать свою честность.

Ответ на возражение 1. ...человеческий закон дан всем людям, многие из которых далеки от совершенства в добродетели, а не только одним добродетельным. Поэтому человеческий закон не в силах запретить все, что противно добродетели... Таким образом, если продавец продал свои товары дороже их стоимости или покупатель купил их дешевле их стоимости без какого-либо мошенничества со своей стороны, то закон трактует сделку как законную и не предусматривает за это никакого наказания.

Ответ на возражение 2. Как [далее] говорит Августин, «этот шутник — то ли на основании собственного опыта, то ли полагаясь на мнение других — думал, что все люди склонны желать покупать за бесценок и продавать с наценкой. Но коль скоро в действительности такое желание является нечестивым, то каждый из нас в силах достичь той правосудности, посредством которой он сможет противиться и превоз-

могать эту склонность». И затем он приводит в пример человека, который заплатил справедливую цену за книгу тому, кто, будучи невежей, запросил за нее очень мало. Отсюда понятно, что это распространенное желание проистекает не из природы, а из порока, и потому оно общо тем многим, которые следуют широким путем греха.

Ответ на возражение 3. В том, что касается направительной правосудности, к рассмотрению, как правило, принимается действительное равенство. С другой стороны, в дружбе из соображений пользы мы рассматриваем равенство с точки зрения получаемой выгоды, и потому [размер] воздаяния зависит от приращения этой выгоды, тогда как при купле его размер должен быть равен [ценности] купленной вещи» (Аквинский Фома, 2013).

Приведенный отрывок и лежит в основе концепции так называемой «справедливой цены», которая должна соответствовать стоимости. При этом «стоимость вещи является мерой ее ценности, ради чего и были придуманы деньги». А ценность может оказаться как выше, так и ниже стоимости... Как все это можно интерпретировать?

По-видимому, относительно логичным вариантом является то, что стоимость вещи измеряется в деньгах; так, отвечая на вопрос 78, Фома пишет: «...как говорит Философ, вещь исчисляется деньгами, если «ценность ее может быть измерена деньгами». В этом случае цена и стоимость является одним и тем же, главное, чтобы при сделке купли-продажи осуществлялась справедливость; обе стороны были в равной степени довольны (или одинаково недовольны). Об этом же говорит и другой отрывок, объясняющий возможности и ограничения продажи товара с надбавкой, выше, чем цена приобретения:

«Возражение 1. Кажется, что при заключении сделок незаконно запрашивать за вещь большую цену, чем за которую она была куплена. Так, Златоуст, комментируя слова [из евангелия от Матфея] (Мф. 21, 12), говорит: «Покупающий вещь ради того, чтобы продать ее в том же объеме и виде и извлечь из этого прибыль, и есть тот торговец, который был изгнан из храма Божия». Нечто подобное можно найти и у Кассиодора, который... говорит: «Что есть торговля, как не покупка дешевле ради продажи дороже?», и далее добавляет: «Таковы были те торговцы, коих изгнал из храма Господь». Но никого не изгоняют из храма иначе, как только за грех. Следовательно, такого рода торговля греховна.

Возражение 2... продавать товары дороже их цены или покупать их дешевле их цены является незаконным. Но когда вещь продают дороже, чем за нее было уплачено, то это означает или то, что ее купили дешевле ее цены, или то, что ее продают дороже ее цены. Следовательно, это не может происходить без греха.

Возражение 3. Далее, Иероним говорит: «Как чумы избегайте тех церковников, которые были бедны — и вдруг богаты, были никем — и вдруг знамениты». Но заниматься торговлей, не будь это дело греховным, не было бы запрещено церковникам. Следовательно, грехом торговли является покупка задешево и продажа задорого.

Этому противоречит следующее: Августин, комментируя слова [Писания]: «Ибо я не знаю им числа» (Пс. 70, 15), говорит: «Жадный торговец готов проклинать свои убытки, лгать и лжесвидетельствовать самому себе относительно цены на свои товары. Но все это — пороки человека, а не ремесла, которое может существовать и без всех этих пороков». Следовательно, в самой по себе торговле нет ничего незаконного.

Отвечаю: торговцем является тот, делом которого является обмен имуществом. Затем, как говорит Философ, обмен имуществом бывает двояким. Один из них является, так сказать, натуральным и необходимым, и с его помощью либо один товар обменивается на другой, либо же в обмен за требуемый для удовлетворения жизненных потребностей товар даются деньги... Другой вид обмена является либо обменом денег на деньги, либо любого товара на деньги, но не ради удовлетворения жизненных потребностей, а ради прибыли... Первый вид обмена заслуживает одобрения, поскольку он предназначен для удовлетворения естественных потребностей, в то время как второй, пожалуй, заслуживает порицания, поскольку — если рассматривать его как таковой — он служит удовлетворению жажды наживы, которая не знает предела и стремится к бесконечности. Следовательно, торговле как таковой сопутствует некоторая порочность, а именно в той мере, в какой она по самой своей природе не предполагает добродетельной или необходимой цели. Однако несмотря на то, что эта являющаяся целью торговли прибыль по своей природе и не предполагает чего-либо добродетельного или необходимого, тем не менее, сама по себе она еще не есть что-либо противное добродетели или греховное, поскольку ничто не препятствует тому, чтобы эта прибыль была использована для достижения некоторой необходимой или даже добродетельной цели, в каком-либо случае торговля становится законной. Так, например, человек может направлять ту умеренную прибыль, которую приносит ему торговля, на содержание своей семьи или на помощь нуждающимся, или же он может вести торговлю ради достижения некоторого общественного блага, например, чтобы его страна не испытывала недостатка в жизненно необходимых вещах, а прибыль интересует его не как цель, а как плата за его труды.

Ответ на возражение 1. Златоуст имеет в виду ту торговлю, которая видит в наживе свою конечную цель... Впрочем, и сама прибыль может считаться законной в том случае, если стремиться к ней не как к конечной цели [т. е. ради нее самой], но ради некоторой другой цели, которая является необходимой или добродетельной...

Ответ на возражение 2. Не каждый продающий дороже, чем купил, является торговцем, но — только тот, кто покупает ради продажи с прибылью... Кроме того, это может являться законным или потому, что он эту вещь улучшил, или потому, что изменение места или времени изменили ее ценность, или в связи с теми рисками, которые сопутствовали ее [хранению или] транспортировке, или же, наконец, потому, что имеет место [некоторая] корысть со стороны другого. В указанном смысле ни купля, ни продажа не являются неправосудными.

Ответ на возражение 3. Церковники должны воздерживаться не только от того, что само по себе является злым, но также и от того, что только кажется злым. Сказанное в полной мере относится к торговле... Однако церковники вправе покупать или продавать, участвуя в первом из упомянутых видов обмена, который направлен на удовлетворение жизненных потребностей» (Аквинский Фома, 2013).

В этих больших, но характерных для схоластов отрывках из рассуждений Фомы в достаточной мере можно проследить и обращение к авторитетам, и применение дедуктивного метода, и морализаторство. Но, в конечном счете, эти рассуждения представляют собой не что иное, как легитимацию складывающихся хозяйственных практик, включающих в себя и получение прибыли и процента. При этом, читая схоластов, можно подумать, что средневековые христианские ремеслен-

ники, крестьяне, торговцы руководствовались при заключении сделок исключительно нравственными правилами, далекими от алгоритма поведения современного «экономического человека». Однако реальность была совсем иной, постоянно имели место происшествия «вроде тех, что произошли в английском Бостоне в 1241 г. или незадолго этого. Фламандский купец обвинил английского купца в том, что тот не заплатил по коммерческому займу. В результате «вспыхнула ссора, и английские торговцы собрались вместе, чтобы напасть на фламандцев, которые вынуждены были ретироваться в свои квартиры на церковном дворе... Англичане выломали двери и окна, вытащили [кредитора] и с ним еще пятерых, избili их и покалечили, а потом свалили тела в одну кучу. Они били, издевались и ограбили всех остальных фламандцев, а также проткнули им одежду мечами и кинжалами... Отобрали у них серебряные кубки, когда те сидели за столом, разрезали кошельки и украли из них деньги, взломали сундуки и забрали оттуда деньги и товары в неизвестном количестве».

Подобные происшествия имели местно не только в Англии, ими отмечена вся история средневековой международной торговли. В XII в. отсутствие безопасности часто мешало торговым отношениям между Византией и итальянскими городами государствами» (Грейф, 2013).

В свою очередь, представления схоластов о проценте еще более тесно, чем учение о «справедливой цене», связано с воспроизведением логики христианских авторитетов и соответствующим морализаторством. «Взаимы давайте, — говорится в Евангелии от Луки, — не ожидая ничего» (Лк., 6:35). Сначала, правда, это правило касалось лишь духовенства, однако позднее (со времен Карла Великого) оно применялось ко всем хозяйствующим субъектам.

Рецепция римского права показала, однако, что оно находится с учением схоластов в вопиющем противоречии. Так, в Кодексе Юстиниана, который интенсивно начали изучать в XII в. в средневековой Европе, были установлены определенные нормы процента для различных ссуд: 12 — под корабельные грузы, 8 — для торговых операций и 4–6 % — для прочих (Нуреев, 2005). В этих условиях схоласты, формально опираясь на римское право, пытались обосновать положения, которые ему прямо противоречили. Опять-таки, обратимся к Фоме Аквинскому:

«Отвечаю: брать ростовщический процент за данные займы деньги неправомерно само по себе, поскольку это означает продавать то, чего не существует, что, со своей стороны, приводит к неравенству, которое противно правосудности. Чтобы прояснить это положение, нам надлежит вспомнить, что есть некоторые вещи, использование которых состоит в их потреблении; так, мы потребляем вино, когда используем его для питья, и потребляем пшеницу, когда используем ее для еды. Поэтому когда речь идет о такого рода вещах, использование вещи не должно рассматривать в отрыве от самой вещи, и тот, кто предоставляет возможность пользоваться такой вещью, предоставляет саму эту вещь. Следовательно, предоставление такого рода вещи означает передачу собственности. Поэтому если бы человек продавал вино отдельно от права использования вина, то, значит, он либо продавал бы одну и ту же вещь дважды, либо же продавал бы то, чего не существует, откуда понятно, что он совершал бы грех неправомерности. И точно так же было бы неправомерно предоставлять вино или пшеницу за двойную оплату, а именно, во-первых, за возвращение вещи в полном объеме и, во-вторых, за цену использования, которая называется ростовщическим процентом.

С другой стороны, есть вещи, использование которых не состоит в их потреблении; так, использование дома состоит в проживании в нем, а не в его уничтожении. Поэтому такие вещи могут предоставляться обоими способами; например, один человек может передать свой дом в собственность другому и при этом сохранить за собою право в течение какого-то времени пользоваться им, или наоборот, он может предоставить другому право пользоваться домом и при этом сохранить его в своей собственности. Таким образом, человек может законно назначить цену за использование своего дома и при этом впоследствии вернуть этот дом себе, как это имеет место в случае аренды и найма дома» (Аквинский Фома, 2013. Вопрос 78).

Проблема, однако, заключается в том, что для хранения, перевозки и реализации тех же пшеницы и вина требовались дополнительные затраты, связанные с сезонностью; как выразились бы сегодняшние финансисты, нужен был кредит для покрытия «кассового разрыва», например, под залог «товаров в пути». Это обстоятельство игнорировалось схоластами. Аналогично, как рассуждал Фома, если ссуда была получена «в натуральном виде», вином или хлебом, то должник возвращал только стоимость этих товаров, но если в качестве ссуды предоставлялся дом, то должник возвращал не только стоимость дома, но и сумму аренды, которую можно было бы за него получить.

При этом если должник не возвращал сумму в срок — пусть даже речь шла об обычных потребительских товарах, — это рассматривалось схоластами как убыток для кредитора. В этом случае взимание процента рассматривалось уже не как ростовщическая нажива, но как возмещение убытка. Но тем самым открывались и этически легитимные основания для получения процента. Достаточно было установить так называемую бесплатную ссуду на очень короткий срок (например, 3 месяца), чтобы по истечении его получать очень высокие проценты. В Западной Европе они достигали в XII–XIV вв. 43 % и даже 60 %¹.

В ретроспективе морализаторство схоластов выглядит обычной социальной демагогией. Изошренность систематизации различных хозяйственных операций, в рамках которой прибыль и процент то оправдывались, то объявлялись греховными, все дальше оказывалась от реальной жизни, подготавливая кризис Реформации и длительные религиозные войны. Чем сложнее становилась экономика, включавшая рост городов и торговли на дальние расстояния, тем меньше купцы и ремесленники обращали внимания на то, что по поводу их поведения думали в университетах и монастырях.

В свою очередь, развитие торговли требовало расширения грамотности. «Тихой революцией» стало развитие книгопечатания и появление первых школ для детей. Все это широко известные и хорошо описанные процессы, нам здесь важно подчеркнуть то, что монополия Римской католической церкви на истину стала быстро разрушаться. Перевод Библии на национальные языки, появление новых профессий, связанных с техническими новинками, рост количества «светски» образованных людей — все это вело к тому, что Й. Шумпетер называет капитализмом. Для нас же важно только подчеркнуть возникновение разрыва между «высокой» наукой, к которой себя относили схоласты, и прикладными знаниями, в рамках которых формировался новый экономический (буржуазный) человек.

¹ Такая схема очень напоминает сегодняшние предложения кредитных карт «под нулевую ставку», шаровой кредит и т. д.

3. СССР и парадокс Лефора. Схоластика в советской политэкономии: способ производства, экономическая система и хозяйственный механизм

Становление первого государства рабочих и крестьян сопровождалось принятием населением СССР новой гражданской религии — марксизма-ленинизма. При этом идея о том, что в основании всех, а не только социалистических государств, лежат некие религиозные основания, появляется и распространяется уже во второй половине XX в., вместе с развитием нового направления политической философии — политической теологии (Фегелин, 2021; Джентиле, 2021; Агамбен, 2011). С этих позиций сравнение эволюции наук об обществе, в том числе политэкономии и экономической теории в современных государствах, с одной стороны, и эволюцией мысли схоластов — с другой, является вполне корректным.

При обсуждении легитимности политического устройства государства необходимо напомнить о существовании парадокса Клода Лефора (Lefort, 1986). Как описывает его в своей работе А. В. Юрчак, «легитимность любой (современной) политической системы строится на основании некой „очевидной“ истины, которая занимает по отношению к идеологии *внешнее* положение (курсив А. В. Юрчака). То есть идеологический дискурс системы всегда ссылается на эту „истину“, не будучи при этом в состоянии ее обосновать и доказать... Эта „истина“ должна быть сначала принята на веру. Например, в Советском Союзе постулат о том, что коммунизм — это неизбежное будущее человеческой истории, находился за пределами идеологии КПСС. Этот постулат не мог быть ни доказан, ни поставлен под вопрос в рамках идеологического дискурса партии. Напротив, любое идеологическое высказывание, произведенное внутри советской системы, было возможно лишь при условии, что этот постулат заведомо принимался за истину» (Юрчак, 2014).

Естественно, что такая характеристика вполне справедлива в отношении католической церкви и средневековых европейских государств. Например, любое утверждение схоластов было возможно лишь при условии, что существование Бога, который оставил человечеству Ветхий и Новый заветы, заведомо принималось за истину.

Как полагает А. В. Юрчак, в первые десятилетия существования СССР устанавливался новый идеологический язык, позволявший, с одной стороны, осуществлять политическое доминирование, с другой — формировать сознание нового, «коммунистического» человека. Важную роль в это сыграл известный учебник «Краткий курс истории ВКП(б)», подготовленный при непосредственном участии И. В. Сталина. Новая версия истории понадобилась не только для апологетики политики Политбюро в конце 1920-х — нач. 1930-х гг., но и создания мифа, который дополнял гражданскую религию марксизма-ленинизма. Необходимо отметить, что «с 1928 по 1937 г. ВУЗы и техникумы страны подготовили свыше 2 млн специалистов. К началу Великой отечественной войны в рядах советской интеллигенции насчитывалось уже более 9,6 млн человек, из которых 2,4 млн составляли специалисты с высшим и средним профессиональным образованием. Поэтому уже в 1934 г. появилось постановление ЦК КПСС «О преподавании гражданской истории в школах СССР», а в июне 1936 г. — постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и руководстве высшей школой» (Нуреев, 2011).

Следует отметить масштаб и скорость решения поставленной задачи: если формирование буржуазного сознания и эволюция схоластического дискурса от нравственного осуждения стремления к наживе и требований справедливой цены к отождествлению богатства и близости к Богу в духе протестантизма (Вебер, 2006)

заняло несколько веков, большевики попытались сформировать «нового человека» в течение трех десятилетий. Однако 1950-е гг. оказались переломными. Как указывает А. В. Юрчак, основной авторитет и создатель нового дискурса, И.В. Сталин, осуществил неожиданную смену парадигм. Так, по мнению А. В. Юрчака, в 1920-х гг. коммунистическая партия, обладавшая «истиной», находилась в некоей внешней позиции по отношению к обществу, рассматривая язык и культуру как инструменты формирования нового человека и, соответственно, нового, социалистического сознания. Напротив, в 1950 г. Сталин предпринял критику языкознания, утверждая, что язык не является ни надстройкой, ни базисом. В результате, если раньше сам Сталин и коммунистическая партия отвечали за формирование как нового языка, так и нового сознания, теперь за сознание нового человека стали отвечать, как интерпретирует Сталина А. В. Юрчак, объективные законы: «сталинская критика языкознания и других областей науки привела к уничтожению той господствующей позиции, внешней по отношению к политическому языку, из которой Сталин мог начать эту критику... После публичного осуждения культа личности, сделанного Хрущевым на XX съезде партии, исчезла всякая возможность занимать внешнюю по отношению к идеологическому дискурсу позицию. Фигуры, стоявшей за пределами идеологического дискурса и имеющей уникальное и неоспоримое знание канона марксистско-ленинской истины больше быть не могло» (Юрчак, 2014). Таким образом, по мысли А. В. Юрчака, если раньше партия и отдельные ее деятели могли трансформировать «идеологический метаязык», то теперь КПСС превратилась в «ретранслятора — то есть позицию человека, который лишь повторяет авторитетные высказывания, не создавая новых» (Юрчак, 2014).

По нашему мнению, в утверждении А. В. Юрчака о том, что в речевых практиках коммунистических идеологов, а политэкономы социализма тоже во многом были таковыми, ретрансляция и повторы цитат классиков стали доминировать над новыми смыслами, много верного. В то же время тезис о том, что в идеологии сохранялась только ретрансляция, представляется нам неправильным. Политэкономия эволюционировала на фоне косыгинской реформы, шли споры о месте товарно-денежных отношений, перехода от адресно-директивных к экономическим методам управления, об объективных основах социалистического ценообразования. Но имела место не только ревизия прежних идей. Одновременно с этим дискурс политэкономии продолжал и ретрансляцию, становясь более схоластическим и эзотерическим. Своеобразная вершина такой марксистско-ленинской схоластики достигается в 1970-е гг. — характеристика эволюции политэкономии социализма представлена, в частности, в наших статьях (Нуреев, Ореховский, 2021a; Нуреев, Ореховский, 2021b; Нуреев, Ореховский, 2021c). Здесь же стоит обратиться к концептам, которые использовались советскими политэкономистами в 1980-х гг., когда о проблемах в социально-экономическом развитии СССР стало говорить уже партийное руководство. Это такие концепты, как «комплекс», «система», «хозяйственный механизм». Перед тем, как подробнее остановиться на примерах советской экономической схоластики, следует оговориться, что среди трудов советских политэкономов, конечно, не было работы, сопоставимой по влиятельности с «Суммой теологии». В разное время схоластическим дискурсом пользовались такие выдающиеся политэкономисты, как И.И. Кузьминов, Л.М. Гатовский, К.В. Островитянов, Н.А. Цаголов, Я.А. Кронрод, В.Н. Черковец, В.П. Шкредов. Далее мы рассмотрим несколько характерных цитат из, видимо, самой поздней

коллективной работы, собравших звездный состав советских политэкономов образца 1989 г.:¹

«Экономическая система включает в себя общественное производство как целое, т. е. весь способ производства. Это глобальная экономическая система.

Понятие „экономическая система” используется прежде всего для обозначения совокупности производственных отношений социализма ... формирование этих отношений на этом этапе нельзя считать полностью завершенным. Формирование этих отношений происходит на современном этапе развития социализма, когда все элементы системы перестраиваются и обновляются на внутренне присущей социализму коллективистской основе. В этих условиях действие экономических законов получает полный простор» (Политическая экономия..., 1989).

«Классики марксизма-ленинизма установили, что отношения собственности на средства производства начинаются, «завязываются» в непосредственном процессе производства, т. е. там, где они реально взаимодействуют с живым трудом. Было показано, что общественный способ соединения средств производства и работников и есть начало экономического отношения собственности. К. Маркс писал: «Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение [факторов производства] отличает различные экономические эпохи общественного строя». Вот почему в сфере производства всегда находится исходный пункт анализа собственности» (Политическая экономия..., 1989).

Общественное производство, способ производства, производственные отношения — элементы марксистского дискурса. Концепт системы распространяется во второй половине XX в. Это распространение отчасти связано с появлением и развитием кибернетики, отчасти — с общей сменой схемы исследования, с переходом от взглядов на объекты как механизмы и машины к системам и организмам (Акофф, 1985). Таким образом, профессор В. В. Цакунов и соавторы приводят язык политэкономии социализма к современности. Далее, однако, «элементы системы перестраиваются на коллективистской основе», а «действие экономических законов получает полный простор». Почему элементы системы перестраиваются, на какой основе, и какой простор был (есть, будет) у экономических законов? Ответ на эти вопросы на основе своей интуиции может дать только исследователь, глубоко погруженный не просто в марксистский, но в советский политико-экономический дискурс.

Вторая вышеприведенная цитата приведена для подтверждения частичной верности мысли А. В. Юрчака: несмотря на ревизию и осовременивание, политэкономы социализма сохраняли верность своему эталону речевой практики и продолжали ретрансляцию идей К. Маркса. Современный читатель, привыкший рассматривать собственность как определенный режим доступа (и исключения доступа) к тем или иным благам, может озадачиться совмещением этого понимания с непосредственным производственным процессом на каком-либо советском заводе, но тогдашним политэкономам было ясно, что речь идет об общественном производстве, и токарь, осуществляя те или иные операции, создает не только деталь в рамках плана, но и одновременно социалистические производственные отношения.

Еще более ярким примером схоластических дискуссий является концепт «хозяйственного механизма».

¹ В создании этой коллективной монографии — курса лекций по политической экономии приняли участие Л. И. Абалкин, В. А. Медведев, А. Е. Булатов, Л. А. Булочникова, В. С. Дунаева, А. Г. Куликов, И. П. Олейник, А. А. Рубан, А. И. Сибирев, И. Ф. Суслов, В. В. Куликов, С. Е. Хорзов, В. В. Цакунов.

«Хозяйственный механизм является сложной, многоаспектной категорией. Его содержание не ограничивается лишь сферой организационно-экономических отношений. Своеобразие этих отношений состоит в том, что они опосредуют взаимодействие между системой производственных отношений в целом (и ее стержнем — отношениями собственности на средства производства) и производительными силами, а также надстройкой общества. В этом процессе складываются стыковые или, как иногда говорят, пограничные отношения и соответствующие им категории. Через них осуществляется реальное взаимодействие между различными элементами общественной формации, соответствующая организация экономической жизни...»

В силу этого хозяйственный механизм выступает одновременно и как совокупность объективных отношений, и как совокупность регулирования экономических процессов. Такие его рычаги, как хозрасчет, цена, кредит, заработная плата, являются объективными экономическими категориями и в то же время инструментами планового управления...» (Политическая экономия..., 1989).

Далее Л.И. Абалкин выделяет три функции хозяйственного механизма: (1) обеспечение конкретных хозяйственных форм уровню развития производительных сил; (2) экономическая реализация общественной собственности на средства производства; (3) претворение в жизнь экономической политики партии (Политическая экономия..., 1989).

Таким образом, политэкономы отдельно выделяли социалистический способ производства, социалистическую экономическую систему и соответствующий хозяйственный механизм. По-видимому, разница между ними была прежде всего риторическая: механизм предполагает наличие рычагов, за которые можно тянуть (толкать), добиваясь планового управления, на систему вроде бы тоже можно влиять, но в целом она «развивается объективно». Марксов концепт «способа производства» — исходный пункт этой схоластической риторики, но это своеобразная классификационная категория (социалистический, капиталистический, азиатский); управлять при помощи способа производства — невозможно.

Повторимся — упомянутая коллективная монография включала очерки наиболее известных советских экономических теоретиков, в этом отношении она представляла собой своеобразный высокий стандарт политико-экономического теоретизирования. В других работах так же, как и в журнальных публикациях того времени, использовались такие же концепты и обсуждения того, что представляет собой хозяйственный механизм, и чем он отличается от способа производства. Это теоретизирование шло на фоне нарастающего кризиса советской экономики. Как пишет Е.Т. Гайдар, цитируя Председателя Госбанка СССР В.В. Герашенко: «„В ряде регионов страны снабжение населения отдельными продуктами питания осуществляется по талонам — сахаром, мясом, маслом сливочным и растительным, чаем, крупой, макаронными изделиями... Положение на внутреннем рынке в 1990 г. резко обострилось не только из-за высоких темпов роста денежных доходов населения, но и в результате изменения поведения покупателей, которые в ожидании повышения розничных цен и в связи с предложениями некоторых экономистов о проведении денежной реформы или „замораживании“ средств на вкладах стремятся любыми путями израсходовать имеющиеся деньги — создают запасы, производят излишние (против обычного) покупки товаров. Это усиливает напряжение на потребительском рынке. Преодолеть эту тенденцию до конца года, очевидно, не удастся. За 9 месяцев 1990 г. сбережения населения в организованных формах и остаток

наличных денег на руках населения в общей сложности увеличатся на 47,3 млрд руб. против 38,4 млрд. руб. за соответствующий период 1989 г., а в целом за 1990 г. на 72,8 млрд руб. против 61,9 млрд руб.... После одобрения Верховным Советом СССР планового баланса денежных доходов и расходов населения принят ряд решений, реализация которых ведет к неизбежному увеличению денежных доходов населения против плановых расчетов: о мерах по стимулированию государственных закупок зерна, в результате чего повысится оплата труда в сельском хозяйстве, о подоходном налоге с граждан и поэтапном снижении налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан (с 1 июля 1990 г.), об увеличении стипендий (с 1 сентября 1990 г.), о введении дополнительных льгот в области пенсионного обеспечения (с 1 октября 1990 г.) и по социальной защите семей с детьми (с 1 декабря 1990 г.) Только за счет указанных мероприятий денежные доходы населения дополнительно увеличатся во втором полугодии 1990 г. на 9 млрд. руб.»». То, что все эти мероприятия придется финансировать за счет работы печатного станка, очевидно всем, кто принимает подобные решения» (Гайдар, 2012).

Таким образом, и в случае советского социализма наша гипотеза полностью подтверждается. Расцвет схоластики в экономической теории сопровождался разрывом между теорией и практикой и являлся симптомом (а отчасти и причиной) кризиса, в конечном счете уничтожившего СССР.

4. Заключение

Легко заметить, что подъем схоластики сопровождается и жестким структурированием поля символической власти в сфере науки, рассматриваемого через призму социологии П. Бурдьё. Собственно, отсылка к авторитетам уже является легитимацией того, что уже есть и сложилось. В этом отношении переход к схоластическим спорам вокруг систематизации, определений, цитат является оборотной стороной формирования авторитетного дискурса, что, в свою очередь, тормозит развитие научных исследований. Отсюда мысль о связи расцвета схоластики с кризисными социально-экономическими явлениями является сравнительно банальной; по крайней мере, пока такие характеристики не применяются к текущему состоянию науки в целом и экономической теории в частности.

Менее банальной является правдоподобная гипотеза о том, что параллельно с расцветом схоластики происходит прогресс в распространении грамотности и прикладных знаний. До поры до времени эти знания и умения не противоречат сложившейся в обществе гражданской религии, будь-то сциентизму, одной из мировых конфессий или комплексу каких-либо других идеологических предпочтений. Но по мере того, как новые технические и социально-экономические практики расходятся с морализаторством схоластов, начинают формироваться условия грядущего острого кризиса, в ходе которого прежние авторитеты теряют свою власть и значение.

Наконец, особенностью современных социальных наук является то, что сложившаяся неформальная пирамида авторитетов «мировой (столичной) — периферийной (провинциальной) — туземной» (Соколов, Титаев, 2013) науки легитимирует определенное иерархическое устройство, способствующее развитию схоластики в странах со средними и низкими уровнями дохода. Это способствует ускорению так называемого зависимого развития. Однако в условиях конфликта с государствами, где работают «признанные научные авторитеты», схоластика не просто тормозит развитие, но становится для таких зависимых стран еще и политически опасной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Абалкин, Л. И., Медведев, В. А., Булатов, А. Е. и др. (1989). *Политическая экономия социализма — теоретическая основа политики КПСС: Курс лекций*. Под ред. Л. И. Абалкина. Москва: Мысль, 606.
- Аверинцев, С. С. (2003). *Схоластика. Словарь средневековой культуры*. Москва: РОССПЭН, 515–520.
- Агамбен, Дж. (2011). *Ното Сасер. Суверенная власть и голая жизнь*. Москва: Европа, 256.
- Аквинский, Фома (2013). *Сумма теологии. Часть 2.2. (Вопросы 47–122)*. Киев: Ника-Центр, 832. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-8/31> (дата обращения 27.11.2022).
- Акофф, Р. (1985). *Планирование будущего корпорации*. Москва: Прогресс, 327.
- Бродель, Ф. (2006). *Материальная цивилизация и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена*. Москва: Весь Мир, 655.
- Вебер, М. (2006). *Избранное: протестантская этика и дух капитализма*. Москва: РОССПЭН, 648.
- Гайдар, Е. Т. (2012). *Гибель империи. Уроки для современной России*. Москва: Издательство АСТ, 447.
- Грейф, А. (2013). *Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли*. Пер. с англ. Инны Кушнаревой. Москва: ИД ВШЭ, 531.
- Де Сото, Э. (2007). *Иной путь. Экономический ответ терроризму*. Пер. с англ. Б. Пинскера. Челябинск: Социум, 408.
- Джентиле, Э. (2021). *Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом*. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 400.
- Ле Гофф, Ж. (1992). *Цивилизация средневекового Запада*. Москва: Прогресс, Прогресс-Академия, 376.
- Макклоски, Д. (2015). *Риторика экономической науки*. Пер. с англ. О. Якименко. Москва: Изд-во Института Гайдара; Санкт-Петербург: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 328.
- Нуреев, Р. М. (2005). Й. А. Шумпетер: Роль схоластики в истории экономического анализа. *Экономический Вестник Ростовского университета*, 3(4), 20–27.
- Нуреев, Р. М. (2011). Краткий курс истории ВКП(б) в кривом зеркале партийной пропаганды. *Журнал институциональных исследований*, 3(1), 83–92.
- Нуреев, Р. М., Ореховский, П. А. (2021а). Дискуссии вокруг основного производственного отношения в политэкономии социализма: когнитивный тупик 1970-х. *Журнал экономической теории*, 18(2), 185–196. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-2.2>
- Нуреев, Р. М., Ореховский, П. А. (2021b). Дискуссия вокруг производительных сил (Политэкономия социализма: когнитивный тупик 1970-х). *Актуальные проблемы экономики и права*, 15(2), 197–214. <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.2.197-214>
- Нуреев, Р. М., Ореховский, П. А. (2021с). Дискуссии об азиатском способе производства (Политэкономия социализма: когнитивный тупик 1970-х). *Journal of Economic regulation*, 12(2), 6–21. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2021.12.2.006-021>
- Соколов, М., Титаев, К. (2013). Провинциальная и туземная наука. *Антропологический форум*, 19, 239–275.
- Фегелин, Э. (2021). *Новая наука политики. Введение*. Пер. с англ. Н. Селиверстова. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 372.
- Шумпетер, Й. (2001). *История экономического анализа*. Т. 1. Пер. с англ. под ред. В. С. Автономова. Санкт-Петербург: Экономическая школа, 496.
- Юрчак, А. (2014). *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. Москва: Новое литературное обозрение, 664.
- Abel, W. (1962). *Geschichte der deutschen Landwirtschaft vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert*. Stuttgart: Ulmer, 361.
- Lefort, C. (1986). *The Political Forms of Modern Society: Bureaucracy, Democracy, Totalitarianism*. Cambridge: MA, MIT Press, 352.

References

- Abalkin, L. I., Medvedev, V. A., Bulatov, A. Ye. et al. (1989). *Politicheskaya ekonomiya – teoreticheskaya osnova politiki KPSS: Kurs lektsiy [Political Economy – Theoretical Basis of the Policy of the CPSU: Course of Lectures]*. In L. I. Abalkin (Eds.). Moscow, Russia: Mysl' Publ., 606. (In Russ.)
- Abel, W. (1962). *Geschichte der deutschen Landwirtschaft vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert [History of German Agriculture from the early Middle Ages until the 19th Century]*. Stuttgart: Ulmer, 361. (In German)
- Ackoff, R. L. (1985). *Planirovaniye budushchego korporatsii [Creating the Corporate Future. Plan or be planned for]*. Moscow: Progress Publ., 327. (In Russ.)
- Agamben, G. (2011). *Homo Sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn' [Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life]*. Moscow, Russia: Europe, 256. (In Russ.)
- Aquinas, Thomas. (2013). *Summa teologii. Chast' 2.2. (Voprosy 47–122) [The Summa Theologica. Part 2.2. (Questions 47–122)]*. Kyiv, Ukraine: Nika-Center, 832. Retrieved from: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-8/31> (Date of access: 27.11.2022). (In Russ.)
- Averintsev, S. S. (2003). *Skholastika [Scholasticism]. Slovar' srednekovoy kul'tury [Dictionary of Medieval Culture]*. Moscow, Russia: ROSSPEN, 515–520. (In Russ.)
- Braudel, F. (2006). *Material'naya tsivilizatsiya i kapitalizm. T. 2. Iгры obmena. [Material civilization and capitalism. Vol. 2: The Games of Exchange]*. Moscow, Russia: Ves' Mir Publ., 632. (In Russ.)
- de Soto, H. (2007). *Inoy put'. Ekonomicheskiy otvet terrorizmu [The Other Path: The Economic Answer to Terrorism]*. Chelyabinsk, Russia: Sotsium Publ., 408. (In Russ.)
- Gaidar, E. T. (2012). *Gibel' imperii. Uroki dlya sovremennoy Rossii [Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia]*. Moscow, Russia: ACT Publ., 447. (In Russ.)
- Gentile, E. (2021). *Politicheskiye religii. Mezhdru demokratiyey i totalitarizmom [Political Religions. Between Democracy and Totalitarianism]*. St Petersburg, Russia: Vladimir Dal' Publ., 400. (In Russ.)
- Greif, A. (2013). *Instituty i put' k sovremennoy ekonomike. Uroki srednekovoy trgovli [Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade]*. Translated by Inna Kushnareva. Moscow, Russia: HSE Publishing House, 531. (In Russ.)
- Le Goff, J. (1992). *Tsivilizatsiya srednekovogo Zapada [The Civilization of the Medieval West]*. Moscow, Russia: Progress, Progress-Akademiya Publ., 376. (In Russ.)
- Lefort, C. (1986). *The Political Forms of Modern Society: Bureaucracy, Democracy, Totalitarianism*. Cambridge: MA, MIT Press, 352.
- McCloskey, D. N. (2015). *Ritorika ekonomicheskoy nauki [The Rhetoric of economics]*. Translated from English by O. Yakimenko. Moscow, Russia: Gaydar Inst. Publ.; St. Petersburg, Russia: Faculty of Liberal Arts and Sciences of St. Petersburg State University, 328. (In Russ.)
- Nureev, R. M. & Orekhovskiy, P. A. (2021a). *Diskussii osnovnogo proizvodstvennogo otnosheniya v politekonomii sotsializma: kognitivnyy tupik 1970-kh [Debates around the Basic Production Relationship in Political Economy of Socialism: The Cognitive Deadlock in the 1970s]*. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, 18 (2), 185–196. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-2.2> (In Russ.)
- Nureev, R. M. & Orekhovskiy, P. A. (2021b). *Diskussiya vokrug proizvoditel'nykh sil (Politekonomiya sotsializma: kognitivnyy tupik 1970-kh) [Discussion around the productive forces (Political economy of socialism: cognitive deadlock of the 1970-s)]*. *Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava [Actual Problems of Economics and Law]*, 15 (2), 197–214. <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.2.197-214> (In Russ.)
- Nureev, R. M. & Orekhovskiy, P. A. (2021c). *Diskussii ob aziatskom sposobe proizvodstva (Politekonomiya sotsializma: kognitivnyy tupik 1970-kh) [Discussions about the Asian mode of production (The political economy of socialism: the cognitive deadlock of the 1970s)]*. *Journal of Economic Regulation*, 12 (2), 6–21. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2021.12.2.006-021> (In Russ.)
- Nureev, R. M. (2005). *Y. A. Shumpeter: Rol' skholastiki v istorii ekonomicheskogo analiza [J. A. Shumpeter: the Role of Scholastics in History of Economic Analysis]*. *Ekonomicheskiy Vestnik Rostovskogo universiteta [Economic Bulletin of Rostov University]*, 3 (4), 20–27. (In Russ.)

Nureev, R. M. (2011). *Kratkiy kurs istorii VKP(b) v krivom zerkale partiynoy propagandy* [A short course on the history of the CPSU in the distorting mirror of party propaganda]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy* [Journal of Institutional Studies], 3 (1), 83–92. (In Russ.)

Schumpeter, J. A. (2001). *Istoriya ekonomicheskogo analiza* [History of Economic Analysis]. Vol. 1. Translated and edited by V. S. Avtonomov. St. Petersburg, Russia: The School of Economics, 496. (In Russ.)

Sokolov, M. & Titaev, K. (2013). *Provintsial'naya i tuzemnaya nauka* ["Provincial" and "Indigenous" Scholarship in the Humanities and Social Sciences]. *Antropologicheskii forum* [Forum for Anthropology and Culture], 19, 239–275. (In Russ.)

Voegelin, E. (2021). *Novaya nauka politiki. Vvedeniye*. [The new science of politics: An introduction]. St. Petersburg, Russia: Vladimir Dal' Publ., 372. (In Russ.)

Weber, M. (2006). *Izbrannoye: protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Collected: The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Moscow, Russia: ROSSPEN Publ., 648. (In Russ.)

Yurchak A. (2014). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Posledneye sovetskoye pokoleniye* [Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation]. Moscow, Russia: Novoye literaturnoye obozreniye, 664. (In Russ.)

Информация об авторах

Ореховский Петр Александрович — доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором философии и методологии экономической науки, главный научный сотрудник, Институт экономики РАН; <https://orcid.org/0000-0003-2816-1298> (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32; e-mail: orekhovskupa@mail.ru).

Нуреев Рустем Махмутович — доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник Высшей школы РФ, научный руководитель департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ; главный научный сотрудник, Институт экономики РАН; <https://orcid.org/0000-0003-1407-2657> (Российская Федерация, 125993, г. Москва, Ленинградский проспект, 49; Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32; e-mail: nureev50@gmail.com).

About the authors

Petr A. Orekhovsky — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Philosophy and Methodology of Economic Science Sector, Chief Research Associate, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0003-2816-1298> (32, Nakhimovsky prospect, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: orekhovskupa@mail.ru).

Rustem M. Nureev — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Scientific Director of the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation; Chief Research Associate, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0003-1407-2657> (49, Leningradsky prospect, Moscow, 125993, Russian Federation; 32, Nakhimovsky prospect, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: nureev50@gmail.com).

Дата поступления рукописи: 19.11.2022.

Прошла рецензирование: 10.01.2023.

Принято решение о публикации: 15.02.2023.

Received: 19 Nov 2022.

Reviewed: 10 Jan 2023.

Accepted: 15 Feb 2023.